Юмористичекие рассказы о привидениях

Дороти Скарбороу

Дороти Скарбороу

Юмористические рассказы о привидениях

«Автор»
2023

Скарбороу Д.

Юмористические рассказы о привидениях / Д. Скарбороу — «Автор», 2023

Обыкновенно привидения являются чем-то жутким и пугающим, но в данный сборник вошли замечательные рассказы об очень милых и смешных призраках, которые развеселят читателя своими проделками.

© Скарбороу Д., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Смешное привидение 5
Введение 5
Огнетушитель для призраков 9
Случайный призрак 15
Нога мумии 22
Призраки-соперники 29
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Дороти Скарбороу
Юмористические рассказы о привидениях

Смешное привидение

Введение

Смешное привидение – явно современный персонаж. В ранней литературе призраки относились к себе очень серьезно и настаивали на надлежащем проявлении уважительного страха со стороны тех, кого они почитали своим появлением. Ожидалось, что смертный встанет, когда призрак войдет в комнату, и в случае, если он медлил с этим, его позвоночник сообщал о том, чего требовал этикет. В случае появления на улице, если мужчина не обнажал голову в благоговейном страхе, корни его волос напоминали ему о его небрежности. У женщины всегда было преимущество перед мужчиной в таких чрезвычайных ситуациях, поскольку ее локоны, будучи длинными и заколотыми наверх, не так легко сдвинуть с места, что может объяснить тот факт (если это факт!), что в художественной литературе женщины показали себя более сдержанными в присутствии призраков, чем мужчины. Или, возможно, женщина знает, что мужественный призрак, в конце концов, всего лишь мужчина, и поэтому может быть очарован до беспомощности, в то время как женщина может увидеть другую женщину насквозь и таким образом обезоружить. Большинство комических привидений, как ни странно, являются мужчинами. Не часто можно встретить женщин, расплывающихся в улыбке – возможно, потому, что они не любят, когда их выставляют на посмешище, даже после того, как они мертвы. Или, может быть, причина кроется в том факте, что мужчины написали большинство комических или сатирических историй о привидениях и по-рыцарски обошлись без более нежных оттенков. И очень мало смешных детских привидений – можно сказать, их почти нет, по сравнению с количеством взрослых. Число детей-призраков любого или всех типов пропорционально невелико, возможно, потому, что смерть ребенка кажется неестественной при любых обстоятельствах, в то время как делать из него мишень для шуток было бы бесчувственно.

Древние призраки были людьми с серьезными лицами. Они вообще не знали, как смеяться. Они были воспитаны в суровом подавлении легкомыслия, и, в свою очередь, они запугивали смертных до рабской покорности. Без сомнения, они думали о мужчинах и женщинах как о простых юнцах, которых нужно учить их месту, поскольку любой живой человек, каким бы дряхлым он ни был, считался бы несовершеннолетним по сравнению с вечным призраком.

Но в наши дни индивидуализма и радикального либерализма призраки, так же как и смертные, расширяют свои личности и наслаждаются большей свободой. Призрак теперь может называть свою тень своей собственной и проявлять любое настроение, какое ему заблагорассудится. Даже юные призраки женского пола, отказываются повиноваться хмурому циферблату часов и впадают в беззаботное веселье, отчего призрак миссис Гранди еще сильнее белеет от ужаса. В наши дни у привидений больше веселья и свободы, чем у живых. На самом деле, в наши дни быть мертвым – выгодно, потому что у призраков нет проблем с арендной платой, мертвецы не платят по счетам. Какой офицер добровольно стал бы преследовать призрачного жильца до его последнего пристанища, чтобы вручить ему повестку в суд? А предположим, что призрак, доставленный в суд, потребовал суда присяжных, состоящего из его коллег? Нет, очевидно, у смерти есть компенсации, не связанные с утешениями религии.

Чудо в том, что привидения так долго реализовывали свои возможности, улучшали свои преимущества. Призраки в классической и средневековой литературе были малярийными,

испаряющимися существами, не способными ни на что, кроме угрозы, и смертные никогда бы не задрожали от страха при виде их хмурого вида, если бы знали, насколько они слабы. В лучшем случае призрак мог только греметь ржавым скелетом, или трясти заплесневелым саваном, или лязгать цепью – но поскольку смертные съеживались перед его демонстрациями, он не беспокоился. Если он хотел вызвать крайнюю степень страдания у своего хозяина, он угрожающе поднимал руку и произносил одно-два ветреных слова. Теперь требуется нечто большее, чтобы вызвать панику. Современный призрак хранит свой скелет в гараже или в каком-нибудь другом месте, где его чистят, смазывают маслом и поддерживают в хорошем рабочем состоянии. Современный призрак продал свою простыню старому барахольщику и одевается как при жизни. Теперь призрак научился хорошо проводить время, и он может заставить живых извиваться гораздо приятнее, чем в прошлом. Сегодняшнему привидению нравится насмехаться, даже когда он стонет от ужаса. Он знает, что в ужасе нет ни оружия, ни угрозы, которые можно было бы сравнить с насмешкой.

Подумайте, каким торжественным созданием был готический призрак! Как мало оригинальности и инициативы он проявлял и как зависел в острых ощущениях от собственной атмосферы! Его единственная апелляция была к позвоночному столбу. Призрак сегодняшнего дня также касается забавной кости. Он добавляет новые ужасы к тому, что его преследуют, но также и новые удовольствия. Современный призрак иногда может быть жизнерадостным существом, так же как он может быть, когда пожелает, устрашающим за пределами мечтаний классического или готического экземпляра. У него острое чувство юмора, и он любит хорошо пошутить над смертным, в то время как он может даже насладиться шуткой над самим собой. Хотя его веселье появилось сравнительно недавно – прошло меньше века с тех пор, как он научился улыбаться, – смеющийся призрак очень живой и спортивно активный. Некоторые из этих новых призраков, как известно, хорошая компания. Сегодня многие американцы хотели бы, чтобы их преследовали капитан и команда корабля-призрака Ричарда Мидлтона, которые приземлились на поле с репой и раздавали выпивку, пока не деморализовали жителей деревни и кладбища. После этой раздачи спиртных напитков, репа на том поле еще долго имела вкус рома после того, как корабль-призрак уплыл в синеву.

Современный призрак обладает не только юмором, но и едкой сатирой. Его шутка, вероятно, имеет более чем один смысл, и он может преследовать так коварно, может чувствовать себя как дома в кабинете или спальне своего хозяина, что человек действительно рад поболтать с ним – только чтобы слишком поздно узнать, что с его человеческих слабостей безжалостно содрали кожу. Пожалейте беднягу в Эйч-Си. История Баннера, например, о вмешивающемся призраке, который повторял герою все глупые и банальные вещи, которые он говорил днем, более того, призрак возвышался и раздувался при каждой избитой фразе. Призраки не только обладают ужасающе долгой памятью, но и обладают значительным преимуществом перед живыми в том, что они когда-то были смертными, в то время как мужчины и женщины, которых они преследуют, еще не были призраками. Предположим, каждого из нас преследовали бы его собственные бессмысленные высказывания? Правда, нам говорят, что когда-нибудь нам придется отчитываться за каждое пустое слово, но записывающие ангелы кажутся более сочувствующими, чем насмешливый призрак рядом с нами. Призраки могут более уместно, чем кто-либо другой, высмеять абсурдность некоторых заявлений о психических способностях, о чем свидетельствует восхитительная серьезность истории "Назад на землю", которая появилась на первой полосе новостей в "Нью-Йорк Сан" много лет назад. Я бы подумала, что некоторые из бесполезных, отсталых призраков-мальчиков-посыльных, о которых читаешь в наши дни, покраснели бы от стыда перед здравыми насмешками рыбака.

Современный веселый призрак высмеивает все – от старомодного призрака (он очень любит подшучивать над ним) до новейших психических проявлений. Он смеется над призраками, которые не являются экспертами в эффективном преследовании, и он очень забавляется

над смертными за то, что они боятся призраков. Он любит потрясать перед вами мрачными ужасами прошлого, обнажая их пустую тщетность, и он ухитряется волшебным образом создавать для вас новые страхи, пока вы смеетесь над ним.

Новый призрак ненавидит условности и использует старые острые ощущения только для того, чтобы показать, от каких разряженных батареек они происходят. Его действительно электрические эффекты – это его собственные изобретения. Ему не нужны подземелья и монашеские кельи, чтобы развлекаться в них – только не ему! Ему не нужны ни тряпки, ни кости, ни звон цепей от его старого набора, чтобы начать свою карьеру. Сегодняшняя история о привидениях вызывает у вас необычные ощущения в позвоночнике, как в "Случайном призраке" Фрэнка Р. Стоктона, где поклонник на залитом лунным светом крыльце, пытаясь сказать своей избраннице, что он в ней души не чает, видит призрака ее свирепого дяди (который не умер!), бьющего пятками по перилам, и слышит его предостережение, что ему лучше поторопиться, поскольку живой дядя приближается. Трепет, с которым вы читаете о призраке в книге Эллис Паркер Батлер "Покойный Джон Уиггинс", который отдает свою деревянную ногу семье, которую он преследует, под предлогом того, что это слишком материалистично, чтобы носить ее с легкостью, и поэтому они должны позаботиться о ней за него, не совсем оставляет вас, даже когда вы обнаружите, что покойный Джон – мошенник, никогда не был призраком и не пользовался деревянной ногой. Но ужасающий трепет преследует вас, пока вы в это верите!

Новый призрак обладает более ловким и разносторонним языком, а также остроумием. В старой художественной литературе и драме о привидениях говорили редко, да и то просто как о призраках, а не как о личностях. А призраки, подобно королям в драме, обладали достоинством и должны были сохранять его в своей речи. Или, возможно, авторы сомневались в диалоге теней и пошли на компромисс в отношении нескольких величественных восклицаний как безопасно фантастических говорящих частей. Но сравните это употребление с грубой свободой некоторых современных привидений, таких как призрачный повар Джона Кендрика Бэнгса из Банглетопа, который опускает буквы "х" и искажает грамматику редким и забавным образом. Что касается меня, то я бы не хотела быть старомодным призраком, у которого нет шансов соответствовать стилям сленга. Подумайте о том, чтобы всегда, и только всегда, говорить на мертвом языке!

Смешной призрак не только современен, но и отчетливо американец. Естественно, существуют призраки всех национальностей, но призрак, который шутит над своим хозяином или над самим собой, янки по происхождению и развитию. Сухой юмор, комическое восприятие несочетаемого, готовность смеяться как над собой, так и над другими переходят в нематериальное, как характерные американские качества и сохраняются в их истинном виде. Я, конечно, не утверждаю, что американцы были единственными в этой области. Подборок на французском и английском языках в этом томе достаточно, чтобы доказать обратное. В рассказе "Нога мумии", Готье, присутствует юмор легкости и грации, такой же нежный, как сама маленькая ножка принцессы. Существуют различные английские истории о причудливых привидениях, некоторые из них о реальных призраках, а некоторые – о мистификации. Призраки-мистификации довольно многочисленны как в британской, так и в американской литературе, одним из ранних примеров такого рода является призрак Таппингтона в "Легендах Инголдсби". В выпусках журнала Блэквуда можно найти несколько примеров, хотя и не имеющих высокой литературной ценности.

Есть и другие британские рассказы о привидениях, например, в "Счастливом освобождении" Баринга-Гулда, где влюбленных вдову и вдовца преследуют ревнивые призраки их соответствующих супругов, пока призрачная пара не проникнется симпатией друг к другу и не решит позволить живым похоронить своих мертвых. Это наводит на мысль о более ранней и интересной истории Брандера Мэтьюза о призрачном ухаживании в "Призраках-соперниках". Средневековая и более поздняя литература дала нам много примеров любовной связи или

брака между духом и смертным, но современному американцу оставалось только праздновать бракосочетание двух призраков. Подумайте о браке, когда вы знаете, что вы и другая сторона собираетесь жить долго и счастливо – независимо от того, счастливы вы или нет! Воистину, нынешние ужасы более страшные, чем прежние!

Рассказы Иден Филпоттс и Ричарда Мидлтона в этом сборнике демонстрируют разнообразие английского юмора, связанного с привидениями, и сами по себе занимательны. Зангвилл увлекательно написал о привидениях, а также смешную историю о Сэмюэле Джонсоне. И есть другие. Но факт остается фактом: несмотря на признанные и достойные восхищения примеры, юмористическая история о привидениях по большей части является американской по своему созданию и духу. Можно сказать, что Вашингтон Ирвинг положил начало этой моде в "скелетах и тенях", поскольку он подарил нам различных комических призраков, как реальных, так и вымышленных. Фрэнк Р. Стоктон подарил свой рассказ "Веселые привидения" с буйной и смеющейся ручкой. Дух в его “Случайном призраке” нагло бессмертен и вызвал череду последующих призраков. Джон Кендрик Бэнгс сделал так, чтобы темные регионы казались нам уютными и по-домашнему приятными, и создал призраков, настолько человечных и забавных, что мы с нетерпением ждем возможности стать одним из них. Мы испытываем совершенно добрососедские чувства к таким призракам, как бесполезное “последнее привидение”, созданных Нельсоном Ллойдом, поскольку мы ценим сатиру утонченного призрака Роуз О'Нил. Смелая концепция “Огнетушителя для призраков” Джелетта Берджесса полностью американская. Эта область все еще сравнительно ограничена, но ряд американцев проделали в ней выдающуюся работу. Призрак теперь носит пестрое вместо савана и трясет своими шутовскими колокольчиками, одновременно гремя костями. Я призываю любого читателя, каким бы ворчливым он ни был, дочитать рассказы в этом томе, испытывая более теплые чувства к призракам!

Д. С.
Нью-Йорк,

Март, 1921.

Огнетушитель для призраков

Автор: Джелетт Берджесс

Впервые идея возможности изготовления практичного огнетушителя от привидений была мне предложена агентом по недвижимости в Сан-Франциско.

– Есть одна вещь, – сказал он, – которая любопытным образом влияет на городскую собственность здесь. Вы знаете, что у нас довольно много убийств, и, как следствие, некоторые дома приобретают очень сенсационную и нежелательную репутацию. Эти дома почти невозможно сдать в аренду; вы едва ли сможете заставить приличную семью занять их бесплатно. У нас полно мест, которые, как говорят, населены привидениями. Это был мертвый груз, пока я случайно не заметил, что японцы не возражают против привидений. Теперь, всякий раз, когда у меня есть такое здание для аренды, я сдаю его японцам за символическую плату, и после того, как они снимают проклятие, я повышаю арендную плату, японцы съезжают, место очищено и снова на рынке.

Эта тема заинтересовала меня, поскольку я не только ученый, но и философ-экспериментатор. Исследование тех явлений, которые лежат на пороге великого неизвестного, всегда было моей любимой областью исследований. Уже тогда я верил, что восточный ум, работая в направлениях, отличных от тех, которые преследуем мы, достиг знания, о котором мы мало знаем. Поэтому, думая, что у этих японцев, возможно, есть какой-то секрет, унаследованный от их туманного прошлого, я изучил этот вопрос.

Я не буду утруждать вас описанием инцидентов, которые привели к моему знакомству с Хоку Яманоти. Достаточно сказать, что я нашел в нем друга, который был готов поделиться со мной всеми своими знаниями о квазинауке. Я называю это так намеренно, поскольку наука, как мы, западные люди, используем этот термин, имеет дело только с законами материи и ощущений; наши ученые, по сути, не признают существования ничего другого. Буддийская философия, однако, идет дальше.

Согласно ее теории, душа семичастна, состоит из различных оболочек – что-то вроде чешуек лука, которые сбрасываются по мере перехода жизни из материального состояния в духовное. Первое, или низшее, из них – это материальное тело, которое после смерти разлагается и погибает. Далее следует жизненный принцип, который, покидая тело, рассеивается, как запах, и теряется. Менее грубым, чем это, является астральное тело, которое, хотя и нематериально, все же находится близко к консистенции материи. Эта астральная форма, освобожденная от тела при смерти, остается некоторое время в своем земном окружении, все еще сохраняя более или менее определенный отпечаток формы, в которой она обитала.

Именно этот пережиток прошлой материальной личности, эта изношенная оболочка, которая появляется, будучи гальванизированной в видимость жизни, частично материализованной, является призраком. Возвращается не душа, ибо душа, которая бессмертна, состоит из четырех высших духовных сущностей, которые окружают эго и переносятся в следующую жизнь. Таким образом, эти астральные тела не пугают буддистов, которые знают их только как тени, не обладающие реальной волей. Японцы, по сути, научились их уничтожать.

Хоку сообщил мне, что существует определенный порошок, который при сжигании в их присутствии преобразует их из разреженного, или полудуховного, состояния в состояние материи. Призрак, так сказать, осаживается и приобретает материальную форму, от которой можно легко избавиться. В этом состоянии его ограничивают и позволяют медленно распадаться там, где он больше не может вызывать раздражения.

Это многословное объяснение пробудило мое любопытство, которое не могло быть удовлетворено до тех пор, пока я не увидел, как применяется японский метод. Прошло совсем немного времени, прежде чем у меня появилась такая возможность. После особо отвратитель-

ного убийства, совершенного в Сан-Франциско, мой друг Хоку Яманоти подал заявление на получение дома, и после того, как полиция закончила осмотр, ему разрешили занять его на полгода по смехотворной цене в три доллара в месяц. Он пригласил меня разделить с ним его покои, которые были просторными и роскошно обставленными.

В течение недели ничего ненормального не происходило. Затем, однажды ночью, я был разбужен ужасающими стонами, за которыми последовал леденящий кровь вопль, который, казалось, доносился из большого шкафа в моей комнате, места последнего зверства. Признаюсь, я натянул на голову все покрывала и дрожал от ужаса, когда вошел мой японский друг, одетый в шелковую пижаму в цветочек. Услышав его голос, я выглянул и увидел, что он ободряюще улыбается.

– Ты какой-то очень глупый парень, – сказал он. – Я покажу тебе, как с ним бороться!

Он достал из кармана три конусообразных красных свитка, положил их на блюдце и поджег. Затем, держа дымящееся блюдо в вытянутой руке, он подошел к закрытой двери и открыл ее. Крики раздались снова, и, когда я вспомнил ужасающие подробности сцены, которая произошла в этой самой комнате всего пять недель назад, я содрогнулся от его безрассудства. Но он был совершенно спокоен.

Вскоре я увидел, как похожая на привидение фигура недавней жертвы выскочила из шкафа. Она заползла под мою кровать и забегала по комнате, пытаясь убежать, но ее преследовал Хоку, который размахивал своей дымящейся тарелкой с неутомимым терпением и ловкостью.

Наконец он загнал ее в угол, и призрак оказался за завесой пахучих испарений. Постепенно фигура становилась все более отчетливой, приобретая консистенцию тяжелого пара, несколько уменьшаясь в процессе работы. Хоку поспешно повернулся ко мне.

– Эй, трусишка, быстро принеси мне пару мехов! – скомандовал он.

Я побежал в его комнату и принес меха из его камина. Их он прижал плашмя, а затем, осторожно вставив один палец призрака в сопло и равномерно открывая ручки, он втянул часть анатомии несчастной женщины и ловко выпустил пар в большую банку, которая была установлена в комнате для этой цели. Потребовались еще две операции, чтобы полностью извлечь фантом из угла и опорожнить его в банку. Наконец передача была произведена, и сосуд надежно закупорен и запечатан.

– В прежние времена, – объяснил мне Хоку, – старики втягивали призрака ртом и аккуратно выплевывали его внутрь вазы. Современный метод более эффективен.

– Как долго продержится этот призрак? – поинтересовался я.

– О, может быть, около четырех-пяти лет, – был его ответ. – Призрак теперь превращается из духа в материю, и подпадает под законны обычной науки.

– Что ты собираешься с ней делать? – спросил я.

– Отправлю ее в буддийский храм в Японии. Ей окажут великую честь, – был ответ.

Моим следующим желанием было раздобыть немного призрачного порошка Хоку Яманоти и проанализировать его. Некоторое время мне это не удавалось, но после многих месяцев терпеливых исследований я обнаружил, что его можно получить во всех его основных качествах путем слияния формальдегида и гипофенилтрибромпропионовой кислоты в наэлектризованном вакууме. С этим продуктом я начал серию интересных экспериментов.

Поскольку мне стало необходимо обнаружить места обитания призраков в значительном количестве, я вступил в Американское общество психических исследований, получив таким образом желаемую информацию о домах с привидениями. Я постоянно посещал их, пока мой порошок не был усовершенствован и не доказал свою эффективность для поимки любого обычного призрака, взломавшего дом. Некоторое время я довольствовался простой стерилизацией этих призраков, но, поскольку я стал более уверен в успехе, я начал пытаться перенести

призраков в сосуды, где их можно было бы транспортировать и изучать на досуге, классифицировать и сохранять для дальнейшего использования.

От мехов Хоку я вскоре отказался в пользу велосипедного насоса больших размеров, и, в конце концов, я сконструировал свой собственный, по схеме, которая позволяла мне вдыхать весь дух за один раз. С помощью этого мощного инструмента я смог сжать даже взрослого призрака в натуральную величину в двухлитровую бутылку, в горлышке которой чувствительный клапан (запатентованный) предотвращал побег призрака во время процесса.

Однако мое изобретение еще не было вполне готово. Хотя у меня не было проблем с поиском свежих призраков, то есть духов, которые все еще были почти однородны с материей, во время нескольких моих поездок за границу в поисках материала я обнаружил в старых усадьбах или разрушенных замках множество призраков, настолько древних, что они стали очень разреженными, будучи временами едва заметны невооруженным глазом. Такие неуловимые духи способны проходить сквозь стены и с легкостью ускользать от преследования. Мне стало необходимо раздобыть какой-нибудь инструмент, с помощью которого можно было бы удобно осуществлять их захват.

Обычный коммерческий огнетушитель подсказал мне, как можно решить проблему. Один из этих портативных ручных инструментов я наполнил соответствующими химикатами. При переворачивании ингредиенты смешивались в вакууме, и выделялся огромный объем газа. Он собирался в резервуар, снабженный резиновой трубкой с насадкой на конце. Поскольку весь аппарат был закреплен у меня за спиной, я мог направлять поток мощного осаждающего газа в любом желаемом направлении, причем поток контролировался с помощью небольшого запорного крана. С помощью этого гасителя привидений я получил возможность проводить свои эксперименты так далеко, как я хотел.

До сих пор мои исследования носили чисто научный характер, но вскоре меня начала интересовать коммерческая ценность моего открытия. Разрушительные последствия призрачных посещений для недвижимости побудили меня получить некоторое денежное вознаграждение от моего огнетушителя для призраков, и я начал рекламировать свой бизнес. Постепенно я стал известен как эксперт в своей первоначальной области, и к моим профессиональным услугам относились с таким же доверием, как к услугам ветеринарного хирурга. Я изготовил огнетушитель Gerrish Ghost в нескольких размерах и выпустил его на рынок, вслед за этим предприятием я представил свои заслуженно прославленные гранаты Gerrish Ghost. Эти ручные инструменты были созданы для хранения на стеллажах, удобно расположенных в загородных домах, на случай внезапной чрезвычайной ситуации. Одна граната, брошенная в любую призрачную форму, при разрыве высвободила бы достаточно формальдегида, чтобы коагулировать самый порочный дух, и образовавшийся пар мог бы быть легко удален из комнаты горничной с помощью обычной метлы.

Однако эта отрасль моего бизнеса никогда не приносила прибыли, поскольку появление призраков, особенно в Соединенных Штатах, редко случается. Если бы я мог изобрести не только средство, но и профилактику, я мог бы сейчас быть миллионером, но даже у современной науки есть пределы.

Исчерпав поле деятельности дома, я посетил Англию в надежде найти клиентов среди тамошних деревенских семей. К своему удивлению, я обнаружил, что владение семейным призраком рассматривалось как постоянное улучшение собственности, и мои предложения об услугах по избавлению домов от призрачных жильцов вызвали самое живое негодование. Спрос на ковры был выше, чем на мои услуги.

Разочарованный и обескураженный, я вернулся домой, чтобы продолжить изучение возможностей моего изобретения. Казалось, я исчерпал возможности использования нежелательных фантомов. Не мог бы я, подумал я, получать доход от торговли желанными призраками? Я решил возобновить свои расследования.

Хранящиеся в моей лаборатории туманные духи, которых я классифицировал, находились, как вы помните, в состоянии анабиоза. Фактически они были забальзамированными призраками, их неизбежное разложение скорее отсрочили, чем предотвратили. Таким образом, разнообразные привидения, которых я теперь хранил в герметически закрытых банках, находились в состоянии неустойчивого равновесия. Как только банки будут открыты и испарениям позволят рассеяться, первоначальное астральное тело со временем будет восстановлено, и восстановленный призрак продолжит свою предыдущую карьеру. Но этот процесс, когда он происходит естественным образом, занимает годы. Интервал был слишком большим для того, чтобы призрака можно было рассматривать с коммерческой точки зрения. Таким образом, моя проблема заключалась в том, чтобы создать из моей консервированной сущности призрак, который был бы способен немедленно приступить к делу и который мог бы преследовать дом, пока вы живете.

Только когда был открыт радий, я приблизился к решению моей великой проблемы, и даже тогда потребовались месяцы неустанного труда, прежде чем процесс был доведен до совершенства. Теперь хорошо известно, что эманации лучистой энергии, испускаемые этим удивительным элементом, бросают вызов нашим прежним научным представлениям о строении материи. Мне предстояло доказать, что вибрационная активность радия (амплитуды и интенсивность которого, несомненно, четырехмерны) вызывает своего рода аллотропную модификацию частиц того невесомого эфира, который, по-видимому, находится на полпути между материей и чистым духом. Это все, что мне нужно сделать в моем объяснении, поскольку полное обсуждение включает использование кватернионов и метода наименьших квадратов. Неспециалисту будет достаточно знать, что мои законсервированные фантомы, получив дозу радиации, при контакте с воздухом вновь обретут свою спектральную форму.

Возможное расширение моего бизнеса сейчас было огромным, ограниченное только трудностями в сборе необходимых запасов. К тому времени добыть призраков было почти так же трудно, как добыть радий. Обнаружив, что часть моих запасов испортилась, я теперь располагал всего несколькими дюжинами банок "привидений", многие из которых были низкого качества. Я немедленно приступил к пополнению своего сырья. Мне было недостаточно подбирать призраков то тут, то там, как можно было бы приобрести старое красное дерево; я решил закупать своих призраков оптовыми партиями.

Случайность благоприятствовала моему замыслу. Однажды в старом томе журнала Блэквуда я случайно наткнулся на интересную статью о битве при Ватерлоо. В ней, между прочим, упоминалась легенда о том, что каждый год, в годовщину знаменитой победы, крестьяне видели призрачные эскадроны, атакующие батальоны призрачных гренадер. Вот это была моя возможность.

Я тщательно подготовился к поимке этой рабочей партии фантомов в следующую годовщину боя. Прямо у рокового рва, поглотившего кавалерию Наполеона, я разместил отряд умелых помощников, снабженных скорострельными огнетушителями, готовых проложить знаменитую затонувшую дорогу. Я разместился с пожарным шлангом модели № 4 с четырехдюймовым соплом прямо на пути, по которому, как я знал, пойдет наступающая эскадрилья.

Это была прекрасная, ясная ночь, сначала освещенная кусочком молодой луны, но позже стемнело, если не считать бледного свечения звезд. На своем веку я видел много призраков – призраков в саду и на чердаке, в полдень, в сумерках, на рассвете, причудливых призраков и призраков печальных и впечатляющих, – но никогда я не видел такого впечатляющего зрелища, как эта ночная атака кирасир, скачущих во славе навстречу своей освященной временем гибели. Издалека французские резервы представляли собой туманную массу, похожую на низко лежащее облако или полосу тумана, слабо светящуюся, пронизанную флуоресцентными отблесками. По мере того, как эскадрон приближался в своей отчаянной атаке, отдель-

ные фигуры солдат формировались сами по себе, и скачущие гвардейцы становились жуткими со сверхъестественным великолепием.

Хотя я знал, что они нематериальны и не имеют массы, я был в ужасе при их приближении, опасаясь быть сметенным копытами кошмаров, на которых они ехали. Как во сне, я бросился бежать, но в следующее мгновение они догнали меня, и я включил свой поток формальдегида. Затем я был ошеломлен взрывом облаков диких воинственных призраков.

Колонна пронеслась мимо меня, над берегом, погружаясь навстречу своей исторической судьбе. Обрыв был забит обезумевшими, карабкающимися призраками, когда шеренга за шеренгой спускались они в ужасную расщелину. Наконец ров наполнился корчащимися существами, и бойня была ужасной.

Мои помощники с огнетушителями стояли твердо, и хотя это зрелище почти выбило их из колеи, они собрали все свое мужество и одновременно направили потоки формальдегида в борющуюся массу фантомов. Как только ко мне вернулся разум, я занялся огромными резервуарами, которые приготовил для использования в качестве приемников. Они были снабжены механизмом, подобным тому, который используется в переносных кузницах, с помощью которого отсасывался тяжелый пар. К счастью, ночь была спокойной, и мне удалось наполнить дюжину цилиндров осажденными призраками. Разделение отдельных форм было, конечно, невозможно, так что люди и лошади смешались в ужасной смеси духов фрикасе. Впоследствии я намеревался вылить содержимое в большой резервуар и позволить отдельным призракам преобразоваться в соответствии с законами духовной сплоченности.

Обстоятельства, однако, помешали мне когда-либо достичь этого результата. Я вернулся домой и обнаружил, что меня ожидает заказ, настолько большой и важный, что у меня не было времени, чтобы заниматься моими кавалерийскими цилиндрами.

Мой заказчик был владельцем нового санатория для людей с нервными расстройствами, расположенного недалеко от некоторых лечебных источников в Катскиллсе. Его здание, к сожалению, находилось на месте некогда знаменитого летнего отеля, который, хотя и был заполнен постояльцами, сгорел дотла, погибло множество жизней. Незадолго до того, как пациентов должны были разместить в новом здании, было обнаружено, что это место до такой степени населено жертвами пожара, что делало его неудобным в качестве санатория. Поэтому были запрошены мои профессиональные услуги, чтобы превратить здание в подходящее жилище для выздоравливающих. Я написал владельцу, установив свою плату в размере пяти тысяч долларов. Поскольку моя обычная ставка составляла сто долларов за призрака, а при пожаре погибло более ста жизней, я счел эту цену разумной, и мое предложение было принято.

Работа в санатории была закончена через неделю. Я раздобыл сто два превосходных спектральных образца и по возвращении в лабораторию разложил их по жестяным банкам с рельефным рисунком и привлекательными цветными этикетками.

Однако мой восторг по поводу исхода этого дела вскоре сменился гневом и негодованием. Владелец санатория, обнаружив, что призраки из его заведения были проданы, потребовал скидку на контрактную цену, равную стоимости модифицированных призраков, переданных в мое владение. Этого, конечно, я не мог допустить. Я написал, требуя немедленной оплаты в соответствии с нашим соглашением, и в этом мне было категорически отказано. Письмо менеджера было крайне оскорбительным. По моим ощущениям со мной обращались не лучше, чем с Гамельнским крысоловом. И так же, как крысолов, я решил отомстить.

Я достал из кладовых двенадцать банок с призраками Ватерлоо и два дня обрабатывал их радием. Это я отправил в Катскиллс, выставив счет за газообразный водород. Затем, в сопровождении двух надежных помощников, я отправился в санаторий и предпочел, чтобы мое требование об оплате было удовлетворено немедленно. Я был изгнан с позором. Однако перед моим поспешным уходом я с удовлетворением заметил, что здание было заполнено пациен-

тами. Томные дамы сидели в плетеных креслах на верандах, а хрупкие анемичные девушки заполняли коридоры. Это была больница для нервнобольных, которых малейшее беспокойство повергло бы в панику. Я подавил все свои лучшие чувства милосердия и доброты и мрачно улыбнулся, возвращаясь в деревню.

Та ночь была черной и пасмурной, подходящая погода для того столпотворения, которое я собирался устроить. В десять часов я загрузил фургон цистернами со сжатыми когортами, и, закутавшись в тяжелые пальто, мы поехали в санаторий. Когда мы приблизились, все было тихо; все было темно. Фургон был спрятан в сосновой роще, мы вынимали баки один за другим и размещали их под окнами первого этажа. Створки были немного открыты и приподняты достаточно, чтобы мы могли вставить резиновые трубки, соединенные с железными резервуарами. В полночь все было готово.

Я дал команду, и мои помощники побежали от бака к баку, открывая запорные краны. С шипением, как при выходе пара, огромные сосуды опорожнялись, извергая облака пара, которые при соприкосновении с воздухом сворачивались в странные формы, как яичный белок, когда его опускают в кипящую воду. Комнаты мгновенно наполнились расчлененными тенями людей и лошадей, отчаянно стремящихся соединиться со своими надлежащими частями.

Ноги бежали по коридорам в поисках своих соответствующих тел, руки дико извивались, пытаясь дотянуться до отсутствующих конечностей, головы мотались туда-сюда в поисках родных шей. Лошадиные хвосты и копыта взмахивали и спешили в поисках лошадей, пока, перестроившись, призрачные скакуны не поскакали галопом, чтобы найти своих всадников.

Если бы это было возможно, я бы остановил это буйство призраков задолго до этого, потому что это было более ужасно, чем я ожидал, но было уже слишком поздно. Съежившись в саду, я начал слышать крики проснувшихся и растерянных пациентов. В следующее мгновение входная дверь отеля распахнулась, и толпа истеричных женщин в дорогих ночных рубашках выбежала на лужайку и сбилась в визжащие группы.

Я убежал в ночь.

Я бежал, но люди Наполеона бежали вместе со мной. Побуждаемые, я не знаю, каким фатальным астральным притяжением, возможно, тонкой близостью создания к творцу, призрачные оболочки, движимые какой-то таинственной механикой духовного существа, преследовали меня с бессмысленной яростью. Сначала я искал убежища в своей лаборатории, но, как только я приблизился, зловещий блеск предвестил мне ее разрушение. Когда я подошел ближе, стало видно, что вся фабрика призраков объята пламенем; каждую минуту раздавался треск, когда перегретые банки с фантасмагорией взрывались и выбрасывали свое сверхъестественное содержимое в ночь. Эти освобожденные призраки присоединились к армии разъяренных воинов Наполеона и набросились на меня. Во всем мире не было достаточного количества формальдегида, чтобы утолить их яростную энергию. Во всем мире не было места, безопасного для меня от их посещения. Ни один огнетушитель призраков не был достаточно мощным, чтобы уничтожить сонм духов, которые преследовали меня с тех пор, и у меня не осталось ни времени, ни денег, чтобы создать новые скорострельные танки Gatling.

Меня не сильно утешила новость, что сто людей с нервными расстройствами были полностью вылечены с помощью ужасающего шока, который я применил.

Случайный призрак

Автор: Фрэнк Р. Стоктон

Загородная резиденция мистера Джона Хинкмана была для меня восхитительным местом по многим причинам. Это была обитель радушного, хотя и несколько импульсивного гостеприимства. Там были широкие, гладко подстриженные лужайки и высокие дубы и вязы; в нескольких местах были густые тени, а недалеко от дома был небольшой ручей, через который был перекинут деревянный мост; там были фрукты и цветы, приятные люди, шахматы, бильярд, аттракционы, прогулки, и рыбалка. Все это было очень хорошо, но ничего из этого не могло удержать меня в этом месте очень долго. Я был приглашен на сезон ловли форели, но, вероятно, закончил бы свой визит в начале лета, если бы в ясные дни, когда трава была сухой, солнце не слишком припекало и дул слабый ветер, я, прогуливаясь под высокими вязами в густой тени, не увидел очертания моей Мадлен.

Эта леди, по правде говоря, не была моей Мадлен. Она никогда не отдавала себя мне, и я никоим образом не владел ею. Но поскольку я считал обладание ею единственной достаточной причиной для продолжения моего существования, я в своих мечтах называл ее своей. Возможно, мне не пришлось бы ограничивать использование этого притяжательного местоимения моими грезами, если бы я признался даме в своих чувствах.

Но это было необычайно трудно сделать. Я не только боялся, как боятся почти все влюбленные, сделать шаг, который в одно мгновение положил бы конец тому восхитительному периоду, который можно назвать периодом любви, предшествующим допросу, и который мог бы в то же время прекратить всякое общение или связь с объектом моей страсти, но я, кроме того, ужасно боялся Джона Хинкмана. Этот джентльмен был моим хорошим другом, но потребовался бы более смелый человек, чем я был в то время, чтобы попросить его о подарке в виде его племянницы, которая была главой его семьи и, согласно его собственному частому заявлению, главной опорой его преклонных лет. Если бы Мадлен согласилась с моими общими взглядами на этот предмет, я, возможно, почувствовал бы побуждение открыть этот вопрос мистеру Хинкману, но, как я уже говорил ранее, я никогда не спрашивал ее, будет ли она моей или нет. Я думал об этих вещах в любое время дня и ночи, особенно ночью.

Однажды ночью я лежал без сна на большой кровати в своей просторной комнате, когда при тусклом свете молодой луны, который частично заполнял комнату, я увидел Джона Хинкмана, стоящего у большого кресла возле двери. Я был очень удивлен этим по двум причинам. Во-первых, мой хозяин никогда раньше не заходил в мою комнату; и, во-вторых, он уехал из дома тем утром и не собирался возвращаться в течение нескольких дней. Именно по этой причине в тот вечер я смог посидеть с Мадлен гораздо позже обычного на залитой лунным светом веранде. Фигура, несомненно, принадлежала Джону Хинкману в его обычной одежде, но в ней была какая-то расплывчатость, которая вскоре убедила меня, что это призрак. Был ли убит добрый старик? и приходил ли его дух, чтобы рассказать мне о содеянном и доверить мне защиту его сокровища? Мое сердце затрепетало от того, что я собирался подумать, но в этот момент фигура заговорила.

– Вы не знаете, – сказал он с выражением тревоги на лице, – вернется ли мистер Хинкман сегодня вечером?

Я подумал, что лучше сохранять внешнее спокойствие, и ответил:

– Мы его не ожидаем.

– Я рад этому, – сказал он, опускаясь в кресло, возле которого стоял. – За те два с половиной года, что я живу в этом доме, этот человек никогда раньше не отлучался ни на одну ночь. Вы не можете себе представить, какое облегчение это мне приносит.

И, говоря это, он вытянул ноги и откинулся на спинку стула. Его фигура стала менее расплывчатой, а цвета его одежды – более отчетливыми и очевидными, в то время как выражение удовлетворенного облегчения сменилось тревогой на его лице.

– Два с половиной года! – воскликнул я. – Я вас не понимаю.

– Прошло ровно столько времени, – сказал призрак, – с тех пор, как я впервые пришел сюда. Мой случай не совсем обычный. Но прежде чем я скажу что-нибудь еще об этом, позвольте мне спросить вас еще раз, уверены ли вы, что мистер Хинкман не вернется сегодня вечером.

– Я уверен в этом настолько, насколько вообще могу быть в чем-либо уверен, – ответил я. – Он уехал сегодня в Бристоль, за двести миль отсюда.

– Тогда я продолжу, – сказал призрак, – потому что я рад возможности поговорить с кем-то, кто меня выслушает, но если Джон Хинкман войдет и застанет меня здесь, я буду напуган до смерти.

– Все это очень странно, – сказал я, сильно озадаченный тем, что услышал. – Вы призрак мистера Хинкмана?

Это был смелый вопрос, но мой разум был настолько переполнен другими эмоциями, что, казалось, не было места для страха.

– Да, я его призрак, – ответил мой собеседник, – и все же я не имею права им быть. И это то, что заставляет меня чувствовать себя так неловко и так сильно бояться его. Это странная история, и, я искренне верю, она не имеет прецедентов. Два с половиной года назад Джон Хинкман был опасно болен в этой самой комнате. Одно время он зашел так далеко, что его действительно считали мертвым. Именно из-за слишком поспешного доклада по этому вопросу меня в то время назначили его призраком. Представьте мое удивление и ужас, сэр, когда после того, как я принял эту должность и взял на себя ее обязанности, этот старик ожил, стал выздоравливать и, в конце концов, восстановил свое обычное здоровье. Теперь мое положение было крайне щекотливым и смущенным. У меня не было силы вернуться к своему первоначальному невоплощению, и я не имел права быть призраком человека, который не был мертв. Мои друзья посоветовали мне спокойно сохранить свою должность и заверили, что, поскольку Джон Хинкман был пожилым человеком, пройдет совсем немного времени, прежде чем я смогу по праву занять ту должность, на которую меня выбрали. Но я говорю вам, сэр, – продолжал он с воодушевлением, – старикан выглядит таким же энергичным, как всегда, и я понятия не имею, как долго еще будет продолжаться это раздражающее положение вещей. Я трачу свое время, пытаясь убраться с дороги этого старика. Я не должен покидать этот дом, и он, кажется, повсюду следует за мной. Говорю вам, сэр, он преследует меня.

– Это действительно странное положение вещей, – заметил я. – Но почему вы его боитесь? Он не может причинить вам вреда.

– Конечно, он не может, – сказал призрак. – Но само его присутствие вызывает у меня шок и ужас. Представьте себе, сэр, как бы вы себя чувствовали, если бы мое дело было вашим.

Я вообще не мог себе такого представить. Я просто содрогнулся.

– И если кто-то вообще должен быть неправомерным призраком, – продолжало видение, – было бы гораздо приятнее быть призраком какого-нибудь другого человека, а не Джона Хинкмана. В нем есть вспыльчивость характера, сопровождаемая легкостью оскорбления, которую редко встретишь. И что случилось бы, если бы он увидел меня и узнал, а я уверен, что он узнал бы, как долго и почему я жил в его доме, я едва могу себе представить. Я видел его в порывах страсти; и, хотя он причинял людям, на которых обрушивался, не больше боли, чем причинил бы мне, они, казалось, сжимались перед ним.

Все это, как я знал, было очень правдиво. Если бы не эта особенность мистера Хинкмана, я, возможно, с большей охотой поговорил бы с ним о его племяннице.

– Мне жаль вас, – сказал я, потому что я действительно начал испытывать симпатию к этому несчастному призраку. – Ваш случай действительно трудный. Это напоминает мне о тех людях, у которых были двойники, и я полагаю, что человек часто действительно очень злится, обнаружив, что есть другое существо, которое олицетворяет его.

– Ой! Эти случаи совсем не похожи, – сказал призрак. – Двойник или доппельгангер живет на земле с человеком; и, будучи точно таким же, как он, он, конечно, создает всевозможные проблемы. Со мной все совсем по-другому. Я здесь не для того, чтобы жить с мистером Хинкманом. Я здесь для того, чтобы занять его место. Так вот, Джон Хинкман очень разозлился бы, если бы узнал об этом. Разве вы не думаете, что это было бы так?

Я немедленно согласился.

– Теперь, когда он ушел, я могу немного успокоиться, – продолжал призрак, – и я так рад возможности поговорить с вами. Я часто заходил в вашу комнату и наблюдал за вами, пока вы спали, но не осмеливался заговорить с вами из страха, что, если вы заговорите со мной, мистер Хинкман услышит вас и войдет в комнату, чтобы узнать, почему вы разговариваете сами с собой.

– Но разве он не услышал бы вас? – спросил я.

– О, нет! – сказал другой. – Бывают моменты, когда кто угодно может видеть меня, но никто не слышит меня, кроме человека, к которому я обращаюсь.

– Но почему вы хотели поговорить со мной? – спросил я.

– Потому что, – ответил призрак, – мне нравится иногда разговаривать с людьми, и особенно с кем-то вроде вас, чей разум настолько встревожен, что вас вряд ли испугает визит одного из нас. Но я особенно хотел попросить вас оказать мне услугу. Насколько я могу судить, есть все шансы, что Джон Хинкман проживет еще долго, и мое положение становится невыносимым. Моя главная цель в настоящее время – добиться перевода, и я думаю, что вы, возможно, сможете быть мне

полезны.

– Перевод! – воскликнул я. – Что вы имеете в виду под этим?

– Я имею в виду, – сказал другой, – вот что: теперь, когда я начал свою карьеру, я должен быть чьим-то призраком, и я хочу быть призраком человека, который действительно мертв.

– Я думаю, это было бы достаточно просто, – сказал я. – Возможности должны возникать постоянно.

– Вовсе нет! Вовсе нет! – быстро сказал мой собеседник. – Вы понятия не имеете, какая спешка и давление возникают в ситуациях подобного рода. Всякий раз, когда появляется вакансия, если я могу так выразиться, на корабль-призрак поступают толпы заявок.

– Я понятия не имел, что такое положение вещей существует, – сказал я, очень заинтересовавшись этим вопросом. – Должна быть какая-то регулярная система или порядок очередности, по которому вы все могли бы сменять друг друга, как клиенты в парикмахерской.

– О боже, это вообще никуда не годится! – сказал другой. – Некоторым из нас пришлось бы ждать вечно. Всякий раз, когда предлагается хорошая вакансия, всегда возникает большой ажиотаж – хотя, как вы знаете, есть некоторые позиции, которые никому не понравятся. И именно из-за того, что я слишком торопился по такому поводу, я попал в свое нынешнее неприятное положение, и я подумал, что, возможно, вы поможете мне выбраться из него. Возможно, вы знаете случай, когда возможность появления корабля-призрака обычно не ожидалась, но которая могла представиться в любой момент. Если бы вы дали мне короткое уведомление, я знаю, что мог бы организовать перевод.

– Что вы имеете в виду? – воскликнул я. – Вы хотите, чтобы я покончил с собой? Или совершил убийство в ваших интересах?

– О, нет, нет, нет! – сказал другой с туманной улыбкой. – Я не имею в виду ничего подобного. Конечно, есть любовники, за которыми наблюдают с немалым интересом, известно, что

такие люди в моменты депрессии предлагали очень желанные корабли-призраки, но я не думал ни о чем подобном в связи с вами. Вы были единственным человеком, с которым я хотел поговорить, и я надеялся, что вы могли бы дать мне какую-нибудь полезную информацию, а взамен я буду очень рад помочь вам в вашем любовном романе.

– Вы, кажется, знаете, что у меня есть такой роман, – сказал я.

– О, да! – ответил другой, слегка зевнув. – Я не мог бы находиться здесь столько, сколько был, не зная всего об этом.

Было что-то ужасное в мысли о том, что за мной и Мадлен наблюдал призрак, даже, возможно, когда мы вместе бродили по самым восхитительным и уединенным местам. Но, с другой стороны, это был совершенно исключительный призрак, и у меня не могло быть к нему возражений, которые обычно возникали бы в отношении существ его класса.

– Я должен идти сейчас, – сказал призрак, вставая. – Но я увижу вас где-нибудь завтра вечером. И помните – вы помогаете мне, а я помогу вам.

На следующее утро у меня возникли сомнения относительно целесообразности рассказывать Мадлен что-либо об этом разговоре, и вскоре я убедил себя, что должен хранить молчание на эту тему. Если бы она знала, что в доме есть привидение, она, вероятно, немедленно покинула бы это место. Я не упомянул об этом и так контролировал свое поведение, что я совершенно уверен, что Мадлен никогда не подозревала о том, что произошло. В течение некоторого времени я желал, чтобы мистер Хинкман приехал домой, по крайней мере, на день. В таком случае я подумал, что мне было бы легче собраться с духом и заговорить с Мадлен на тему нашего будущего совместного существования, и теперь, когда возможность для такой речи действительно представилась, я не чувствовал себя готовым воспользоваться ею. Что бы со мной стало, если бы она мне отказала?

Однако у меня возникла мысль, что если я вообще собираюсь говорить, то сейчас самое время. Она, должно быть, знала, что во мне зреют определенные чувства, и не была безрассудна в своем желании уладить этот вопрос тем или иным способом. Но мне не хотелось делать смелый шаг в темноте. Если она хотела, чтобы я попросил ее отдаться мне, она должна была дать мне какую-то причину предполагать, что она сделает этот подарок. Если бы я не видел никакой вероятности такой щедрости, я бы предпочел, чтобы все осталось так, как было.

В тот вечер я сидел с Мадлен на залитой лунным светом веранде. Было почти десять часов, и с самого ужина я заставлял себя признаться в своих чувствах. Я не был твердо настроен сделать это, но хотел постепенно достичь нужного момента, когда, если перспектива покажется радужной, я смогу заговорить. Моя спутница, казалось, понимала ситуацию – по крайней мере, мне казалось, что чем ближе я подходил к предложению, тем больше она, казалось, ожидала его. Это, безусловно, была очень критическая и важная эпоха в моей жизни. Если бы я заговорил, я бы сделал себя счастливым или несчастным навсегда, а если бы я промолчал, у меня были все основания полагать, что леди не даст мне другого шанса сделать это.

Сидя таким образом с Мадлен, немного поговорив и очень напряженно размышляя над этими важными вопросами, я поднял глаза и увидел призрака менее чем в дюжине футов от нас. Он сидел на перилах крыльца, одна нога была вытянута перед ним, другая свисала вниз, когда он прислонился к столбу. Он был позади Мадлен, но почти передо мной, так как я сидел лицом к даме. К счастью, Мадлен смотрела на пейзаж, потому что я, должно быть, выглядел очень испуганным. Призрак сказал мне, что он увидит меня как-нибудь этой ночью, но я не думал, что он появится, когда я буду в компании Мадлен. Если бы она увидела дух своего дяди, я не мог бы отвечать за последствия. Я не издал ни единого восклицания, но призрак, очевидно, увидел, что я встревожен.

– Не бойся, – сказал он, – я не позволю ей увидеть меня; и она не сможет услышать, что я говорю, если я не обращусь к ней, чего я не собираюсь делать.

Полагаю, я выглядел благодарным.

– Так что вам не нужно беспокоиться об этом, – продолжил призрак, – но мне кажется, что вы не очень хорошо справляетесь со своим делом. На вашем месте я бы высказался, не дожидаясь больше. У вас никогда не будет лучшего шанса. Вас вряд ли прервут; и, насколько я могу судить, леди, похоже, расположена выслушать вас благосклонно; то есть, если она когда-либо намеревалась это сделать. Неизвестно, когда Джон Хинкман снова уедет; конечно, не этим летом. Если бы я был на вашем месте, я бы никогда не осмелился говорить о любви с племянницей Хинкмана, если бы он был где-нибудь поблизости. Если он поймает кого-нибудь, предлагающего руку и сердце мисс Мадлен, то это будет ужас.

Я был полностью согласен со всем этим.

– Мне невыносимо думать о нем! – воскликнул я вслух.

– Думать о ком? – спросила Мадлен, быстро поворачиваясь ко мне.

Здесь была неловкая ситуация. Длинная речь призрака, на которую Мадлен не обратила внимания, но которую я слышал совершенно отчетливо, заставила меня забыться.

Нужно было быстро объясниться. Конечно, было бы нехорошо признаваться, что я говорил о ее дорогом дяде; и поэтому я поспешно назвал первое имя, которое пришло мне в голову.

– Мистер Виларс, – сказал я.

Это утверждение было совершенно правильным, потому что мне было невыносимо думать о мистере Виларсе, джентльмене, который в разное время уделял много внимания Мадлен.

– С вашей стороны неправильно так отзываться о мистере Виларсе, – сказала она. – Он удивительно хорошо образованный и разумный молодой человек, и у него очень приятные манеры. Он рассчитывает быть избранным в законодательный орган этой осенью, и я не удивлюсь, если он добьется своего. Он преуспеет в законодательном органе, потому что всякий раз, когда мистеру Виларсу есть что сказать, он точно знает, как и когда это сказать.

Это было сказано очень спокойно и без малейшего проявления обиды, что было вполне естественно, потому что, если Мадлен была обо мне хорошего мнения, она не могла испытывать неудовольствия из-за того, что я испытывал неприятные эмоции по отношению к возможному сопернику. В заключительных словах содержался намек, который я не замедлил понять. Я был совершенно уверен, что если бы мистер Виларс был на моем теперешнем месте, он заговорил бы достаточно быстро.

– Я знаю, что неправильно иметь такие представления о человеке, – сказал я, – но я ничего не могу с этим поделать.

Леди не упрекнула меня, и после этого она, казалось, даже смягчилась. Что касается меня, то я почувствовал сильное раздражение, поскольку не хотел признаваться, что какие-либо мысли о мистере Виларсе когда-либо занимали мой разум.

– Вам не следует так говорить вслух, – сказал призрак, – иначе вы можете попасть в беду. Я хочу, чтобы у вас все шло хорошо, потому что тогда вы, возможно, будете расположены помочь мне, особенно если мне представится случай оказать вам какую-либо помощь, на что я надеюсь.

Мне очень хотелось сказать ему, что он ничем не мог бы мне так сильно помочь, как своим немедленным отъездом. Признаваться в любви молодой леди, рядом с которой на перилах сидит призрак, и этот призрак является призраком страшного дяди, сама мысль о котором в таком положении и в такое время заставляла меня дрожать, было трудным, если не невозможным, делом для исполнения, но я воздержался говорить, хотя, возможно, хотел.

– Я полагаю, – продолжал призрак, – что вы не слышали ничего, что могло бы принести мне пользу. Конечно, мне очень хочется услышать; но если вам есть что мне сказать, я могу подождать, пока вы не останетесь одни. Я приду к вам сегодня ночью в вашу комнату или останусь здесь, пока леди не уйдет.

– Вам не нужно ждать здесь, – сказал я. – Мне вообще нечего вам сказать.

Мадлен вскочила на ноги, ее лицо раскраснелось, а глаза горели.

– Ждать здесь! – крикнула она. – Как вы думаете, чего я жду? Действительно, вам нечего сказать! Я так думаю! Что вы должны мне сказать?

– Мадлен! – Воскликнул я, шагнув к ней, – позволь мне объяснить.

Но она уже ушла.

Для меня это был конец света! Я яростно повернулся к призраку.

– Жалкое существо! – Я плакал. – Ты все испортил. Ты очернил всю мою жизнь. Если бы не ты…

Но тут мой голос дрогнул. Я больше ничего не мог сказать.

– Вы несправедливы ко мне, – сказал призрак. – Я не причинил вам вреда. Я пытался только ободрить и помочь вам, и это ваша собственная глупость причинила вам вред. Но не отчаивайтесь. Такие ошибки, как эти, можно объяснить. Сохраняйте храброе сердце. До свидания.

И он исчез с перил, как лопнувший мыльный пузырь.

Я мрачно лег в постель, но в ту ночь не видел никаких видений, кроме тех, что вызывали отчаяние и страдание в моих жалких мыслях. Слова, которые я произнес, прозвучали для Мадлен как самое низкое оскорбление. Конечно, она могла дать им только одно толкование.

Что касается объяснения моих действий, то это было невозможно. Я снова и снова обдумывал этот вопрос, лежа без сна той ночью, и решил, что никогда не расскажу Мадлен о фактах дела. Для меня было бы лучше страдать всю свою жизнь, чем для нее знать, что призрак ее дяди бродит по дому. Мистер Хинкман был в отъезде, и если бы она знала о его призраке, ее нельзя было бы заставить поверить, что он не умер. Она может не пережить шока! Нет, мое сердце могло бы обливаться кровью, но я бы никогда ей не сказал.

Следующий день выдался погожим, ни слишком прохладным, ни слишком теплым; дул нежный ветерок, и природа улыбалась. Но с Мадлен не было ни прогулок, ни поездок верхом. Она, казалось, была очень занята в течение дня, и я почти не видел ее. Когда мы встречались за едой, она была вежлива, но очень тиха и сдержанна. Она, очевидно, определилась с линией поведения и решила предположить, что, хотя я был очень груб с ней, она не поняла значения моих слов. Конечно, было бы вполне уместно, если бы она не знала, что я имел в виду под моими выражениями прошлой ночью.

Я был подавлен и несчастен, говорил мало, и единственной светлой полосой на черном горизонте моего горя был тот факт, что она не казалась счастливой, хотя и изображала безразличие. Залитая лунным светом веранда в тот вечер была пуста, но, бродя по дому, я нашел Мадлен в одиночестве в библиотеке. Она читала, но я вошел и сел рядом с ней. Я чувствовал, что, хотя я и не мог сделать этого полностью, я должен в какой-то мере объяснить свое поведение прошлой ночью. Она спокойно выслушала мои несколько натянутые извинения за те слова, которые я употребил.

– Я не имею ни малейшего представления, что вы имели в виду, – сказала она, – но вы были очень грубы.

Я искренне отрицал любое намерение быть грубым и заверил ее с теплотой речи, которая, должно быть, произвела на нее некоторое впечатление, что грубость по отношению к ней была бы для меня невозможным действием. Я много говорил на эту тему и умолял ее поверить, что, если бы не одно препятствие, я мог бы говорить с ней так откровенно, что она все поняла бы.

Некоторое время она молчала, а потом сказала, как мне показалось, гораздо более ласково, чем говорила раньше:

– Это препятствие каким-либо образом связано с моим дядей?

– Да, – ответил я после небольшого колебания, – это в какой-то мере связано с ним.

Она ничего не ответила на это и сидела, глядя в свою книгу, но не читая. По выражению ее лица я подумал, что она несколько смягчилась по отношению ко мне. Она знала своего дядю

так же хорошо, как и я, и, возможно, думала, что, если бы он был препятствием, мешавшим мне говорить (а было много способов, которыми он мог быть этим препятствием), мое положение было бы настолько тяжелым, что это оправдывало бы некоторую дикость речи и эксцентричность в манерах. Я также видел, что теплота моих частичных объяснений оказала на нее некоторое влияние, и я начал верить, что, возможно, было бы хорошо, если бы я высказал свое желание без промедления. Независимо от того, как она воспримет мое предложение, мои отношения с ней не могли быть хуже, чем они были прошлой ночью и днем, и было что-то в ее лице, что вселяло в меня надежду, что она забудет мои глупые восклицания накануне вечером, если я начну рассказывать ей свою историю любви.

Я придвинул свой стул немного ближе к ней, и как только я это сделал, призрак ворвался в комнату из дверного проема позади нее. Я говорю "ворвался", хотя ни одна дверь не распахнулась, и он не издал ни звука. Он был дико возбужден и размахивал руками над головой. В тот момент, когда я увидел его, мое сердце упало у меня внутри. С появлением этого дерзкого призрака всякая надежда покинула меня. Я не мог говорить, пока он был в комнате.

Я, должно быть, побледнел; и я пристально смотрел на призрака, почти не видя Мадлен, которая сидела между нами.

– Вы знаете, – воскликнул он, – что Джон Хинкман поднимается на холм? Он будет здесь через пятнадцать минут; и если вы занимаетесь чем-то вроде признаний в любви, вам лучше поторопиться. Но это не то, что я пришел вам сказать. У меня великолепные новости! Наконец-то я переведен! Не прошло и сорока минут, как нигилисты убили русского дворянина. Никто никогда не думал о нем в связи с немедленным появлением корабля-призрака. Мои друзья немедленно подали заявку на эту ситуацию для меня и добились моего перевода. Я ухожу, пока этот ужасный Хинкман не поднялся на холм. Как только я окажусь в новом месте, я отброшу это ненавистное подобие. До свидания. Вы не можете себе представить, как я рад, что наконец-то стал настоящим чьим-то призраком.

– О! – Воскликнул я, поднимаясь на ноги и простирая руки в полном отчаянии, – я бы хотел, чтобы ты была моей!

– Я твоя, – сказала Мадлен, поднимая на меня свои полные слез глаза.

Нога мумии

Автор: Теофиль Готье

Я лениво забрел в лавку одного из тех торговцев старинными диковинками – “безделушками”, как говорят на этом парижском арго, совершенно непонятном в других местах Франции.

Вы, без сомнения, часто заглядывали в витрины некоторых из этих магазинов, которых стало много с тех пор, как стало так модно покупать антикварную мебель, что самый скромный биржевой маклер чувствует себя обязанным иметь комнату, обставленную в средневековом стиле.

Здесь есть что-то, что одинаково относится и к лавке торговца старым железом, и к складу торговца, и к лаборатории химика, и к мастерской художника: во всех этих таинственных нишах, куда сквозь ставни проникает лишь слабый полумрак, самая очевидная антикварная вещь – это пыль: паутина более натуральная, чем кружева, а старая мебель грушевого дерева более современная, чем красное дерево, которое только вчера прибыло из Америки.

Этот магазин безделушек был настоящим Кафарнаумом; все эпохи и все страны, казалось, встречались там. Этрусская терракотовая лампа стояла на шкафу Буль с панелями из черного дерева, украшенными простыми нитями инкрустированной меди: герцогиня времен правления Людовика XV небрежно вытянула свои изящные ноги под массивным столом Людовика XIII с тяжелыми спиральными дубовыми ножками и резьбой в виде переплетенных цветов и гротескных фигур.

В углу блестел украшенный орнаментом нагрудник миланского доспеха из Дамаска. Полки и пол были завалены фарфоровыми купидонами и нимфами, китайскими обезьянками, вазами бледно-зеленой эмали, чашками дрезденского и старого севрского производства.

На зубчатых полках буфетов поблескивали огромные японские таблички с красными и синими узорами, обведенными золотом, рядом с эмалями Бернара Палисси с рельефными змеями, лягушками и ящерицами.

Из разгромленных шкафов падали каскады серебристо поблескивающего китайского шелка, мерцающая парча, превращенная в светящиеся бусинки косым солнечным лучом; в то время как портреты всех эпох улыбались сквозь пожелтевший лак в более или менее потускневших рамах.

Торговец настороженно следовал за мной по извилистым проходам, петляющим между грудами мебели, защищаясь руками от опасного взмаха фалд моего пальто, наблюдая за моими локтями с тревожной заботой антиквара и ростовщика.

Он был странной фигурой этот торговец, Огромный череп, гладкий, как колено, был окружен редким ореолом белых волос, которые, напротив, подчеркивали лососевый оттенок его лица и создавали ложное впечатление патриархальной благожелательности, исправляемое, однако, блеском двух маленьких желтых глаз, которые двигались в своих орбитах, как два луидора, плавающих на ртути. Изгиб носа придавал ему орлиный силуэт, что наводило на мысль о восточном или еврейском типе. Его руки, длинные, тонкие, с выступающими венами и сухожилиями, похожими на струны скрипки, с ногтями, похожими на когти на перепончатых крыльях летучей мыши, двигались со старческой дрожью, на которую было больно смотреть, но эти нервно подрагивающие руки были тверже стальных клешней или клешней омара, когда они брали в руки какой-нибудь драгоценный предмет, чашу из оникса, венецианское стекло или блюдо из богемского хрусталя. У этого любопытного старика был такой насквозь раввинский и каббалистический вид, что, судя по одному его виду, его бы сожгли на костре три столетия назад.

– Не купите ли вы что-нибудь у меня сегодня, сэр? Вот малайский крис с лезвием, которое колышется, как пламя; посмотрите на эти канавки, из которых капает кровь, эти зубы,

обращенные вспять, чтобы вырывать внутренности при извлечении оружия; это прекрасный образец свирепого оружия, и он станет интересным дополнением к вашим трофеям; этот двуручный меч очень красив – это работа Джозефа де ла Герца; и этот колишемард с резной гардой – какая превосходная работа!

– Нет, у меня достаточно оружия и орудий резни; я хотел бы иметь маленькую фигурку, любой предмет, который можно было бы использовать в качестве пресс-папье, потому что я не выношу эти заурядные бронзовые изделия, которые продаются в канцелярских магазинах, которые неизменно можно увидеть на столе каждого.

Старый гном, роясь среди своих старинных изделий, выставил передо мной несколько старинных бронзовых экспонатов, псевдоантичных, фрагменты малахита, маленьких индуистских и китайских идолов, нефритовых обезьян, воплощений Брахмы и Вишну, удивительно подходящих для цели едва ли божественной – удержания бумаг и писем на месте.

Я колебался между фарфоровым драконом, покрытым созвездиями бородавок, его челюсти были украшены зубами и клыками, и отвратительным маленьким мексиканским фетишем, реалистично изображающим бога Вицлипуцли, когда заметил очаровательную ножку, которую сначала принял за фрагмент какой-то античной Венеры.

У нее был тот красивый желтовато-красноватый оттенок, который придает флорентийской бронзе ее теплый, живой вид, столь предпочтительный по сравнению с зеленоватыми тонами обычной бронзы, которые легко можно было принять за статуи в состоянии разложения; атласный блеск сиял на ее изгибах, отполированных любовными поцелуями двадцати столетий. Это, должно быть, была коринфская бронза, работа самого прекрасного периода, отлитая, возможно, самим Лисиппом.

– Эта нога подойдет, – сказал я торговцу, который посмотрел на меня с ироничным, лукавым выражением лица, когда он протянул мне предмет, который я просил, чтобы я мог рассмотреть его более тщательно.

Я был удивлен его легкостью. Это была не металлическая ступня, а на самом деле ступня из плоти, забальзамированная ступня, ступня мумии; при ближайшем рассмотрении можно было различить зернистость кожи и почти незаметный отпечаток переплетения бинтов. Пальцы были тонкими, изящными, с идеальными ногтями, чистыми и прозрачными, как агат; большой палец, слегка отделенный от остальных, в античной манере приятно контрастировал с положением других пальцев и создавал впечатление свободы и легкости птичьей лапы. Подошва, слегка испещренная почти невидимыми линиями, показывала, что она никогда не касалась земли и не соприкасалась ни с чем, кроме тончайших циновок, сотканных из нильского камыша, и мягчайших ковриков из шкуры пантеры.

– Ха, ха! Вы желаете ногу принцессы Хермонтис, – сказал торговец со странным, издевательским смехом, уставившись на меня своими совиными глазами. – Ха, ха, ха, для пресс-папье! Оригинальная идея! Идея художника! Если бы кто-нибудь сказал старому фараону, что нога его обожаемой дочери будет использоваться в качестве пресс-папье, особенно в то время, когда он вырубал гранитную гору, чтобы поместить в нее тройной гроб, раскрашенный и позолоченный, покрытый иероглифами и прекрасными изображениями суда над душами, это действительно удивило бы его, – продолжал маленький странный торговец вполголоса, как будто разговаривая сам с собой.

– Сколько вы возьмете с меня за этот фрагмент мумии?

– Ах, столько, сколько я смогу получить, потому что это превосходное произведение; если бы у меня был к нему интерес, вы не смогли бы получить его меньше чем за пятьсот франков – дочь фараона! Иначе не могло бы и быть.

– Конечно, такое не часто встретишь, но все же, сколько вы хотите за это? Однако сначала я хочу ознакомить вас с одним фактом, который заключается в том, что мое состояние состоит всего из пяти луидоров. Я куплю все, что стоит пять луидоров, но ничего дороже. Вы можете

обыскать карманы моего жилета и самые потайные ящики моего бюро, но, кроме того, вы не найдете ни одной жалкой пятифранковой монеты.

– Пять луидоров за ногу принцессы Хермонтис! Это очень мало, на самом деле слишком мало для настоящей ноги, – сказал торговец, качая головой и закатывая глаза своеобразным вращательным движением. – Очень хорошо, возьми это, и я добавлю внешнее покрытие, – сказал он, заворачивая ногу в лоскут старого Дамаска – очень красивый лоскут, настоящий Дамаск, который никогда не перекрашивался; он прочный, но при этом мягкий, – пробормотал он, лаская потертую ткань, в соответствии с привычкой каждого торговца хвалить предмет столь малой ценности, что он сам считал его годным только для того, чтобы раздавать.

Он опустил золотые монеты в нечто вроде средневекового мешочка, который был пристегнут к его поясу, в то время как он повторял:

– Нога принцессы Хермонтис будет использована в качестве пресс-папье!

Затем, устремив на меня свои фосфоресцирующие зрачки, он сказал голосом, пронзительным, как вопли кошки, которая только что проглотила рыбью кость:

– Старый фараон будет недоволен; он любил свою дочь, это дорогой для него человек.

– Вы говорите о нем так, как будто вы его современник; сколько бы вам ни было лет, вы не восходите к египетским пирамидам, – со смехом ответил я с порога магазина.

Я вернулся домой, довольный своей покупкой.

Чтобы сразу же воспользоваться покупкой, я положил ногу достопочтимой принцессы Хермонтис на стопку бумаг – наброски стихов, неразборчивые мозаики из зачеркнутых слов, незаконченные статьи, забытые письма, размещенные в ящике стола, ошибка, часто допускаемая рассеянными людьми; эффект был приятным, причудливым и романтичным.

Чрезвычайно восхищенный этим украшением, я спустился на улицу и прогуливался со всей важностью и гордостью, свойственными человеку, который имеет невыразимое преимущество перед прохожими, которых он толкает локтями, обладая фрагментом принцессы Хермонтис, дочери фараона.

Я думал, что люди, у которых, как у меня, нет такого подлинно египетского пресс-папье, были объектами насмешек, и мне казалось, что разумному человеку подобает держать ногу мумии на своем столе.

К счастью, встреча с несколькими друзьями отвлекла меня от восторгов по поводу моего недавнего приобретения. Я пошел с ними ужинать, потому что мне было бы трудно ужинать в одиночестве.

Когда я вернулся ночью, с несколько затуманенным воздействием нескольких бокалов вина сознанием, слабый аромат восточных духов деликатно пощекотал мои обонятельные нервы. Комнату наполнял запах натрона, битума и мирры, в которых парасхиты, бальзамировавшие умерших, омывали тело принцессы; это был тонкий, но проникающий аромат, который четыре тысячи лет не могли рассеять.

Мечта о Египте была вечной; его запахи обладают твердостью гранита и сохраняются так же долго.

За короткое время я выпил все из черной чаши сна; на час или два все оставалось во мраке; Забвение и Небытие погрузили меня в свои мрачные волны.

Тем не менее туманность моего восприятия постепенно рассеивалась, сны начали слегка касаться меня в своем безмолвном полете.

Глаза моей души открылись, и я увидел свою комнату такой, какой она была на самом деле. Я мог бы поверить, что проснулся, если бы у меня не было смутного сознания, что я сплю и что вот-вот произойдет что-то очень необычное.

Запах мирры усилился, и у меня слегка разболелась голова, что я вполне естественно приписал нескольким бокалам шампанского, которые мы выпили за неведомых богов и за наш будущий успех.

Я внимательно осматривал свою комнату с чувством ожидания, которое не было ничем оправдано. Каждый предмет мебели был на своем обычном месте; лампа, мягко затененная молочной белизной своего матового хрустального шара, горела на консоли, акварели светились из-под богемского стекла; шторы висели тяжелыми ниспадающими складками; все наводило на мысль о спокойствии и дремоте.

Тем не менее, через несколько мгновений тишина в комнате была нарушена, деревянная обшивка украдкой заскрипела, покрытое золой полено внезапно вспыхнуло голубым пламенем, а поверхности досок казались металлическими глазами, наблюдающими, как и я, за тем, что должно было произойти.

Случайно мой взгляд упал на стол, на который я положил ногу принцессы Хермонтис.

Вместо того чтобы оставаться в состоянии неподвижности, свойственном ноге, которая была забальзамирована в течение четырех тысяч лет, она двигалась взволнованно, подергиваясь, прыгая по бумагам, как испуганная лягушка; можно было подумать, что она соприкасается с гальванической батареей; я отчетливо слышал быстрое постукивание маленькой пятки, твердой, как копыто газели.

Я остался довольно недоволен своей покупкой, потому что мне нравятся неподвижные пресс-папье. Кроме того, мне показалось очень неестественным, что ноги передвигаются без ног, и я начал чувствовать что-то очень похожее на страх.

Внезапно я заметил движение одной из складок моих занавесок и услышал топот, похожий на тот, который издает человек, прыгающий на одной ноге. Должен признаться, что мне становилось то жарко, то холодно. Я чувствовал, как таинственный ветерок обдувает мою спину, и что мои волосы встали дыбом так внезапно, что это заставило мой ночной колпак подскочить на несколько градусов.

Занавески приоткрылись, и я увидел приближающуюся самую странную фигуру из всех возможных.

Это была молодая девушка, такого же кофейного цвета, как танцовщица Амани, и совершенной красоты чистейшего египетского типа. У нее были раскосые миндалевидные глаза с бровями, такими черными, что они казались голубыми; ее нос был точен, почти по-гречески изящен; ее можно было бы принять за коринфскую бронзовую статую, если бы ее выдающиеся скулы и довольно африканская полнота губ не указывали, без сомнения, на иероглифическую расу, которая обитала на берегах Нила.

Ее руки, тонкие, веретенообразные, как у очень юных девушек, были опоясаны каким-то металлическим украшением и браслетами из стеклянных бусин; ее волосы были скручены в маленькие шнурки; на груди висел идол из зеленой пасты с кнутом, сплетенным из семи кнутов, как у Исиды, проводнице душ, на ее лбу сияло золотое украшение, а на медных щеках были видны легкие следы румян.

Что касается ее костюма, то он был очень странным.

Представьте себе пагне, сделанное из узких полосок, испещренных красными и черными иероглифами, утяжеленное битумом и, по-видимому, принадлежащее только что распеленанной мумии.

В одном из тех полетов фантазии, которые обычно случаются во сне, я слышал хриплый, грубый голос торговца безделушками, монотонно повторявшего фразу, которую он так загадочно повторял в своем магазине.

– Старый фараон будет недоволен. Он очень любил свою дочь, это дорогой для него человек.

Одна странная деталь, которая вряд ли была обнадеживающей, заключалась в том, что у призрака была только одна нога, другая была сломана в лодыжке.

Она подошла к столу, где нога мумии ерзала и металась с удвоенной энергией. Она прислонилась к краю, и я увидел, как ее глаза наполнились жемчужными слезами.

Хотя она ничего не говорила, я полностью понимал ее чувства. Она посмотрела на ногу, потому что это действительно была ее собственная, с выражением кокетливой грусти, что было чрезвычайно очаровательно, но нога продолжала прыгать и бегать, как будто ее приводили в движение стальные пружины.

Два или три раза она протягивала руку, чтобы схватить ее, но безуспешно.

Затем между принцессой Хермонтис и ее ногой, которая, казалось, была наделена собственной индивидуальностью, начался очень причудливый диалог на древнем коптском языке, на котором, возможно, говорили тридцать веков назад среди сфинксов Земли Сир; к счастью, в ту ночь я прекрасно понимал коптский.

Принцесса Хермонтис произнесла голосом сладким и трепетным, как звон хрустального колокольчика:

– Что ж, моя дорогая маленькая ножка, ты всегда убегаешь от меня, но я заботилась о тебе наилучшим образом; я омывала тебя ароматной водой в алебастровом тазу; я натирала твою пятку пемзой, смешанной с пальмовым маслом; твои ногти были подстрижены золотыми ножницами и отполированы зубом гиппопотама; я тщательно подбирала для тебя раскрашенные и вышитые сандалии с загнутыми вверх пальцами, которым завидовали все молодые девушки Египта; на большом пальце ты носила кольца, изображающие священного скарабея, и ты поддерживала одно из самых легких тел. Этого могла бы пожелать ленивая нога.

Нога ответила надутым, полным сожаления голосом:

– Ты хорошо знаешь, что я больше не принадлежу себе. Меня купили и за меня заплатили; старый торговец знал, что делал. Он затаил на тебя обиду за то, что ты отказалась выйти за него замуж. Это трюк, который он сыграл с тобой. Араб, который силой вскрыл твою царскую гробницу в подземных ямах Фиванского некрополя, был послан туда им. Он хотел помешать тебе присутствовать на встрече теней в городах нижнего мира. У тебя есть пять золотых, чтобы выкупить меня?

– Увы, нет! Мои драгоценности, мои кольца, мои кошельки из золота и серебра – все это было украдено у меня, – со вздохом ответила принцесса Хермонтис.

– Принцесса, – воскликнул я тогда, – я никогда не завладевал ничьей ногой несправедливо; даже если у вас нет пяти луидоров, которых она мне стоила, я с радостью верну ее вам; я был бы несчастен, если бы я был причиной хромоты столь очаровательной девушки, как принцесса Хермонтис.

Я произнес эту речь в изысканной манере трубадура, которая, должно быть, поразила прекрасную египтянку.

Она посмотрела на меня с выражением глубочайшей благодарности, и ее глаза засветились голубоватыми огоньками.

Она взяла свою ногу, которая на этот раз подчинилась, и, как женщина, собирающаяся надеть туфли, с большой ловкостью приладила ступню к ноге.

Закончив эту операцию, она сделала несколько шагов по комнате, как бы желая убедиться, что на самом деле она больше не хромает.

– Ах, как счастлив будет мой отец, тот, кто был так несчастен из-за моего увечья – тот, кто со дня моего рождения заставил целую нацию работать, чтобы выдолбить такую глубокую могилу, чтобы он мог сохранить меня нетронутой до того высшего последнего дня, когда души должны быть взвешены на весах Аменти! Пойдем со мной к моему отцу, он будет счастлив принять тебя, потому что ты вернул мне мою ногу.

Я нашел это предложение вполне естественным. Я нарядился в халат огромного размера, который придавал мне чрезвычайно царственный вид, я поспешно надел пару турецких тапочек и сказал принцессе Хермонтис, что готов следовать за ней.

Прежде чем отправиться в путь, Хермонтис сняла со своего ожерелья маленькое изображение из зеленой пасты и положила его на разбросанные по столу бумаги.

– Это не более чем правильно, – сказала она с улыбкой, – что я должна заменить ваше пресс-папье.

Она протянула мне свою руку, которая была мягкой и прохладной, как кожа змеи, и мы ушли.

Какое-то время мы мчались со скоростью стрелы сквозь туманное пространство, в котором справа и слева от нас мелькали почти неразличимые силуэты.

На мгновение мы не увидели ничего, кроме моря и неба.

Через несколько минут на фоне горизонта появились высокие обелиски, колонны, наклонные очертания сфинкса.

Мы уже прибыли.

Принцесса провела меня к склону горы из красного гранита, в которой было отверстие, настолько низкое и узкое, что, если бы оно не было отмечено двумя монолитами, покрытыми причудливой резьбой, его было бы трудно отличить от трещин в скале.

Хермонтис зажгла факел и пошла впереди.

Коридоры были вырублены в живой скале. Стены с панелями, покрытыми иероглифами и изображениями аллегорических процессий, должно быть, были делом тысяч рук на протяжении тысячелетий; коридоры бесконечной длины заканчивались квадратными комнатами, в середине которых были устроены ямы, в которые мы спускались с помощью кошек или винтовых лестниц. Эти ямы вели нас в другие комнаты, из которых открывались другие коридоры, украшенные в той же причудливой манере ястребами-перепелятниками, змеями, свернувшимися кольцами, символическими тау, педумами и барисами, удивительными произведениями, которые никогда не должен видеть ни один живой глаз, бесконечными легендами в граните, которые знают только мертвые.

Наконец мы достигли зала, такого огромного, такого безграничного, такого неизмеримого, что его границы невозможно было различить. Насколько хватало глаз, тянулись ряды гигантских колонн, между которыми сверкали багровые звезды желтого света. Эти сверкающие точки света открывали неисчислимые глубины за их пределами.

Принцесса Хермонтис, все еще держа меня за руку, любезно поприветствовала мумии своих знакомых.

Мои глаза постепенно привыкли к тенистым сумеркам, и я начал различать окружающие меня предметы.

Я видел восседающих на своих тронах королей подземных рас. Это были величественные старики или высохшие, сморщенные, как пергамент, и почерневшие от нафты и битума. На головах у них были золотые украшения, а их нагрудники и горжетки сверкали драгоценными камнями; их глаза были неподвижны, как у сфинкса, а их длинные бороды были выбелены снегами столетий. Позади них стояли их забальзамированные подданные в жестких и скованных позах египетского искусства, навечно сохраняя позы, предписанные иерархическим кодексом. За спинами испытуемых современные им кошки, ибисы и крокодилы, ставшие еще более чудовищными из-за своих одеяний. Они мяукали, били крыльями и открывали и закрывали свои огромные челюсти в глупых гримасах.

Там были все фараоны – Хеопс, Хефрен, Псамметих, Сесостри, Аменотеф, все темнокожие правители страны пирамид и царских гробниц; на еще более высокой платформе восседали на троне цари Хронос и Ксиксутрос, современники потопа, и Тубал-Каин, который предшествовал этому.

Борода короля Ксиксутроса отросла до такой длины, что уже семь раз обвилась вокруг гранитного стола, к которому он прислонился, погруженный в задумчивость, словно во сне.

Дальше вдалеке, сквозь смутный проход, сквозь туманы вечности, я смутно увидел семьдесят двух царей доадамитов с их семьюдесятью двумя народами, исчезнувшими навсегда.

Принцесса Хермонтис, позволив мне несколько мгновений насладиться этим головокружительным зрелищем, представила меня фараону, своему отцу, который кивнул мне самым величественным образом.

– Я нашла свою ногу, я нашла свою ногу! – воскликнула принцесса, хлопая в ладоши со всеми признаками неудержимой радости. – Этот господин вернул ее мне.

Расы Кхеме, расы Нахаси, все расы, черные, бронзовые и медноокрашенные, повторили хором:

“Принцесса Хермонтис нашла свою стопу”.

Сам Ксиксутрос был глубоко тронут.

Он поднял свои тяжелые веки, погладил усы и посмотрел на меня своим взглядом, заряженным веками.

– Клянусь Омсом, адским псом, и Тмеей, дочерью Солнца и Истины, вот храбрый и достойный молодой человек, – сказал фараон, протягивая ко мне свой скипетр, который заканчивался цветком лотоса. – Какого вознаграждения ты желаешь?

Нетерпеливо, с той дерзостью, которая бывает в мечтах, где нет ничего невозможного, я попросил у него руки принцессы Хермонтис. Ее рука в обмен на ногу показалась мне противоположным вознаграждением, в достаточно хорошем вкусе.

Фараон широко раскрыл свои стеклянные глаза, удивленный моей любезностью, а также моей просьбой.

– Из какой ты страны и каков твой возраст?

– Я француз, и мне двадцать семь лет, почтенный фараон.

– Двадцать семь лет! И он желает жениться на принцессе Хермонтис, которой тридцать веков! – воскликнули хором все троны и все круги наций.

Одна только Хермонтис, похоже, не сочла мою просьбу неподобающей.

– Если бы тебе было даже две тысячи лет, – продолжал старый фараон, – я бы с радостью даровал тебе принцессу, но разница слишком велика. Кроме того, у наших дочерей должны быть мужья, которые будут жить долго, а вы больше не знаете, как сохранить себя. От последних людей, которые были доставлены сюда едва ли пятнадцать веков назад, теперь не осталось ничего, кроме щепотки пепла. Смотри! Моя плоть тверда, как базальт, мои кости – стальные прутья. Я буду присутствовать в последний день с тем телом и чертами, которые были у меня при жизни. Моя дочь Хермонтис просуществует дольше, чем бронзовая статуя. Но к тому времени ветры развеют последние крупицы твоей пыли, и сама Исида, которая знала, как восстановить фрагменты Осириса, вряд ли смогла бы воссоздать твое существо. Посмотри, какой я все еще бодрый и как велика сила моей руки, – сказал он, пожимая мне руку на английский манер так, что его кольца врезались мне в пальцы.

Его хватка была такой сильной, что я проснулся и обнаружил своего друга Альфреда, который тянул меня за руку и тряс, чтобы заставить встать.

– О, смотри сюда, ты, сводящий с ума спящий! Должен ли я затащить тебя на середину улицы и запустить фейерверк рядом с твоим ухом, чтобы разбудить тебя? Сейчас полдень. Разве ты не помнишь, что обещал заехать за мной и сводить посмотреть испанские картины месье Агуады?

– Святые небеса! Я совсем забыл об этом, – ответил я, поспешно одеваясь. – Мы можем отправиться туда немедленно, приглашение у меня здесь, на столе.

Я подошел, чтобы взять его; представьте мое изумление, когда я увидел не ногу мумии, которую купил накануне вечером, а маленькую фигурку из зеленой пасты, оставленную на ее месте принцессой Хермонтис!

Призраки-соперники

Автор: Брандер Мэтьюз

Добрый корабль мчался по своему пути через спокойную Атлантику. Согласно маленьким картам, которые компания щедро раздала, это был обратный путь, но большинство пассажиров направлялись домой после летнего отдыха, и они считали дни до того, как смогут надеяться увидеть огни острова Файр. На подветренной стороне судна, удобно укрытая от ветра, прямо у двери капитанской каюты (которая днем принадлежала им), сидела небольшая группа возвращающихся американцев. Герцогиня (она была в списке казначея как миссис Мартин, но ее друзья и знакомые называли ее герцогиней Вашингтон—сквер) и малышка Ван Ренсселер (она была достаточно взрослой, чтобы голосовать, если бы ее пол имел право на это, но как младшая из двух сестер она все еще была ребенком в семье) – герцогиня и малышка Ван Ренсселер обсуждали приятный английский голос и не неприятный английский акцент мужественного молодого лорда, который собирался в Америку ради спорта. Дядя Ларри и дорогой Джонс заключали пари на завтрашний рейс корабля.

– Ставлю два к одному, что он не сделает 420, – сказал дорогой Джонс.

– Принимаю, – ответил дядя Ларри. – Мы сделали 427 на пятый день в прошлом году.

Это был семнадцатый визит дяди Ларри в Европу, и, следовательно, это было его тридцать четвертое путешествие.

– И когда вы добрались? – спросила малышка Ван Ренсселер. – Меня ни капельки не волнует пари, главное, чтобы мы поскорее приехали.

– Мы пересекли мелководье в воскресенье вечером, всего через семь дней после того, как покинули Квинстаун, и бросили якорь у Карантина в три часа утра в понедельник.

– Я надеюсь, что на этот раз мы этого не сделаем. Кажется, я совсем не могу заснуть, когда судно останавливается.

– Я мог, но не спал, – продолжал дядя Ларри, – потому что моя каюта была самой первой на судне, а двигатель, который опускал якорь, был прямо у меня над головой.

– Итак, вы встали и увидели восход солнца над заливом, – сказал дорогой Джонс, – и электрические огни города, мерцающие вдалеке, и первый слабый проблеск зари на востоке, прямо над фортом Лафайет, и розовый оттенок, который мягко распространялся вверх, и…

– Вы возвращались вместе? – спросила герцогиня.

– Поскольку он ездил тридцать четыре раза, вы не должны думать, что у него монополия на рассветы, – парировал дорогой Джонс. – Нет, это был мой собственный восход солнца, и к тому же он был очень красивым.

– Я не сравниваю рассветы, – спокойно заметил дядя Ларри, – но я готов поддержать веселую шутку, вызванную моим восходом солнца, против любых двух веселых шуток, вызванных твоим.

– Я неохотно признаюсь, что мой восход солнца вовсе не вызвал веселой шутки.

Дорогой Джонс был честным человеком и не стал бы выдумывать веселую шутку под влиянием момента.

– Вот тут-то и звонит мой восход, – самодовольно сказал дядя Ларри.

– Что это была за веселая шутка? – таков был вопрос малышки Ван Ренсселер, естественный результат женского любопытства, возбужденного таким художественным образом.

– Ну, дело вот в чем. Я стоял на корме, рядом с патриотически настроенным американцем и прогуливающимся ирландцем, и патриотически настроенный американец опрометчиво заявил, что нигде в Европе вы не увидите такого восхода солнца, и это дало ирландцу его шанс, и он сказал: "Да, вы не видите восход, пока мы с ним не покончим".

– Это правда, – задумчиво сказал дорогой Джонс, – у них там действительно есть кое-что получше, чем у нас; например, зонтики.

– И платья, – добавила герцогиня.

– И предметы старины, – таков был вклад дяди Ларри.

– И у нас в Америке действительно есть кое-что гораздо лучше! – запротестовала малышка Ван Ренсселер, еще не испорченная каким-либо поклонением изнеженным монархиям деспотической Европы. – У нас много вещей, которые намного вкуснее, чем в Европе, особенно мороженое.

– И хорошеньких девушек больше, – добавил дорогой Джонс, но на нее не взглянул.

– И привидений, – небрежно заметил дядя Ларри.

– Призраков? – спросила герцогиня.

– Привидений. Даю слово. Призраков, если вам так больше нравится. У нас самые качественные призраки…

– Вы забываете милые истории о привидениях на Рейне и в Шварцвальде, – перебила мисс Ван Ренсселер с женской непосредственностью.

– Я помню Рейн и Шварцвальд и все другие пристанища эльфов, фей и гоблинов, но для хороших честных привидений нет места лучше дома. И что отличает нашего призрака – spiritus Americanus – от обычного литературного призрака, так это то, что он отвечает американскому чувству юмора. Возьмем, к примеру, рассказы Ирвинга. "Всадник без головы" – это комическая история о привидениях. И “Рип ван Винкль” – подумайте, какой юмор, и какой хороший юмор, есть в рассказе о его встрече с командой гоблинов из людей Хендрика Хадсона! Еще лучшим примером этого американского способа обращения с легендами и тайнами является чудесная история о призраках-соперниках.

– Призраки-соперники! – хором спросили герцогиня и малышка Ван Ренсселер. – Кем они были?

– Разве я никогда не рассказывал вам о них? – ответил дядя Ларри, и в его глазах вспыхнул огонек приближающейся радости.

– Поскольку рано или поздно он обязательно расскажет, нам лучше смириться и услышать это сейчас, – сказал дорогой Джонс.

– Если ты не будешь более терпимым, я вообще не буду этого рассказывать.

– О, расскажи, дядя Ларри! Ты же знаешь, я просто обожаю истории о привидениях, – взмолилась малышка Ван Ренсселер.

– Давным-давно, – начал дядя Ларри, – на самом деле, несколько лет назад, в процветающем городе Нью-Йорк жил молодой американец по имени Дункан – Элифалет Дункан. Как и его имя, он был наполовину янки, наполовину шотландец, и, естественно, он был адвокатом и приехал в Нью-Йорк, чтобы пробить себе дорогу. Его отец был шотландцем, который приехал, поселился в Бостоне и женился на девушке из Салема. Когда Элифалету Дункану было около двадцати, он потерял обоих своих родителей. Его отец оставил ему достаточно денег, чтобы начать жизнь, и сильное чувство гордости за свое шотландское происхождение; видите ли, в Шотландии в семье был титул, и хотя отец Элифалета был младшим сыном младшего сына, все же он всегда помнил и всегда просил своего единственного сына помнить, что его родословная была благородной. Его мать оставила ему свою полную долю "янки" и маленький старый дом в Салеме, который принадлежал ее семье более двухсот лет. Она была Хичкок, а Хичкоки обосновались в Салеме с 1-го года. Это был пра-пра-прадед мистера Элифалета Хичкока, который был выдающимся человеком во времена увлечения салемским колдовством. И в этом маленьком старом доме, который она оставила моему другу Элифалету Дункану, водились привидения.

– Призрак одной из ведьм, конечно? – перебил дорогой Джонс.

– Ну, как это мог быть призрак ведьмы, если все ведьмы были сожжены на костре? Ты никогда не слышал, чтобы у кого-нибудь, кто сгорел, было привидение, не так ли? – спросил дядя Ларри.

– Во всяком случае, это аргумент в пользу кремации, – ответил дорогой Джонс, уклоняясь от прямого ответа.

– Это так, если тебе не нравятся призраки, а мне нравятся, – сказала малышка Ван Ренсселер.

– И мне тоже, – добавил дядя Ларри. – Я люблю призрака так же нежно, как англичанин любит лорда.

– Продолжай свою историю, – сказала герцогиня, величественно пресекая все посторонние разговоры.

– В этом маленьком старом доме в Салеме водились привидения, – продолжил дядя Ларри. – И очень выдающийся призрак, или, по крайней мере, призрак с очень выдающимися качествами.

– Каким он был? – спросила малышка Ван Ренсселер, дрожа от предвкушения восторга.

– В нем было много особенностей. Во-первых, он никогда не показывался хозяину дома. В основном он ограничивался посещениями незваных гостей. За последние сто лет это отпугнуло четырех свекровей подряд, но никогда не вторгался в жизнь главы семьи.

– Я предполагаю, что этот призрак был одним из мальчиков, когда он был жив и во плоти. – Это был вклад дорогого Джонса в рассказывание истории.

– Во-вторых, – продолжал дядя Ларри, – его появление никого не пугало в первый раз. Только во время второго визита видящие призрака пугались так, что они редко набирались смелости для третьей встречи. Одной из самых любопытных особенностей этого благонамеренного ведьмака было то, что у него не было лица – или, по крайней мере, никто никогда не видел его лица.

– Возможно, он скрывал свое лицо под вуалью? – спросила герцогиня, которая начала вспоминать, что ей никогда не нравились истории о привидениях.

– Это было то, чего я так и не смог выяснить. Я расспросил нескольких людей, которые видели призрака, и никто из них не смог мне ничего рассказать о его лице, и все же, находясь в его присутствии, они никогда не замечали его черт и никогда не замечали их отсутствия или сокрытия. Только потом, когда они попытались спокойно вспомнить все обстоятельства встречи с таинственным незнакомцем, они осознали, что не видели его лица. И они не могли сказать, были ли черты скрыты, или им чего-то не хватало, или в чем была проблема. Они знали только, что этого лица никто никогда не видел. И независимо от того, как часто они могли видеть призрака, они никогда не постигали эту тайну. По сей день никто не знает, было ли лицо у призрака, который раньше обитал в маленьком старом доме в Салеме, или что у него было за лицо.

– Как ужасно странно! – сказала малышка Ван Ренсселер. – И почему призрак ушел?

– Я не сказал, что он ушел, – ответил дядя Ларри с большим достоинством.

– Но ты сказал, что раньше он обитал в маленьком старом доме в Салеме, поэтому я предположила, что он переехал. Не так ли? – спросила молодая леди.

– Всему свое время. Элифалет Дункан проводил большую часть своих летних каникул в Салеме, и призрак никогда его не беспокоил, потому что он был хозяином дома – к большому его отвращению, потому что он хотел сам увидеть таинственного арендатора. Но он никогда его не видел, никогда. Он договорился с друзьями, чтобы они звонили ему, когда он появится, и он спал в соседней комнате с открытой дверью; и все же, когда их испуганные крики будили его, призрак исчезал, и его единственной наградой было услышать укоризненные вздохи, как только он возвращался в постель. Видите ли, призрак думал, что со стороны Элифалета было нечестно добиваться представления, которое было явно нежеланным.

Дорогой Джонс прервал рассказчика, встав и поплотнее укутав ноги малышки Ван Ренсселер тяжелым пледом, потому что небо теперь было пасмурным и серым, а воздух – влажным и пронизывающим.

– Одним прекрасным весенним утром, – продолжал дядя Ларри, – Элифалет Дункан получил замечательную новость. Я говорил вам, что в Шотландии у семьи был титул, и что отец Элифалета был младшим сыном младшего сына. Так вот, случилось, что все братья и дяди отца Элифалета умерли, не оставив потомства мужского пола, за исключением старшего сына старшего сына, и он, конечно же, носил титул и был бароном Дунканом из Дункана. Итак, прекрасная новость, которую Элифалет Дункан получил в Нью-Йорке одним прекрасным весенним утром, заключалась в том, что барон Дункан и его единственный сын катались на яхте на Гебридских островах, попали в черный шквал и оба погибли. Итак, мой друг Элифалет Дункан унаследовал титул и поместья.

– Как романтично! – сказала герцогиня. – Так он был бароном!

– Ну, – ответил дядя Ларри, – он мог бы стать бароном, если бы захотел. Но он не выбирал.

– Он еще и большой дурак! – назидательно сказал дорогой Джонс.

– Ну, – ответил дядя Ларри, – я в этом не так уверен. Видите ли, Элифалет Дункан был наполовину шотландцем, наполовину янки, и у него были два взгляда на эту удачу. Он придержал язык о своей неожиданной удаче, пока не смог выяснить, достаточно ли шотландских поместий, чтобы сохранить шотландский титул. Вскоре он обнаружил, что это не так, и что покойный лорд Дункан, женившись на деньгах, поддерживал такое состояние, какое мог, за счет доходов от приданого леди Дункан. И Элифалет решил, что предпочел бы быть сытым адвокатом в Нью-Йорке, безбедно живущим за счет своей практики, чем голодающим лордом в Шотландии, скудно живущим на свой титул.

– Но он сохранил свой титул? – спросила герцогиня.

– Ну, – ответил дядя Ларри, – он держал это в секрете. Я знал об этом, и еще один или два друга. Но Элифалет был слишком умен, чтобы написать на своей табличке ”Барон Дункан из Дункана, адвокат и советник по правовым вопросам".

– Какое отношение все это имеет к твоему призраку? – уместно спросил дорогой Джонс.

– Никакого к этому призраку, но это имеет отношение к другому призраку. Элифалет был очень сведущ в знаниях о духах, возможно, потому, что ему принадлежал дом с привидениями в Салеме, возможно, потому, что он был шотландцем по происхождению. Во всяком случае, он специально изучил призраков, белых леди, банши и привидений всех мастей, чьи высказывания, поступки и предупреждения записаны в анналах шотландской знати. На самом деле, он был знаком с привычками каждого уважаемого призрака из числа шотландских пэров. И он знал, что к личности обладателя титула барона Дункана из Дункана был привязан призрак Дункана.

– Значит, помимо того, что он был владельцем дома с привидениями в Салеме, он также был человеком с привидениями в Шотландии? – спросила малышка Ван Ренсселер.

– Именно так. Но шотландский призрак не был неприятным, как салемский призрак, хотя у него была одна общая особенность со своим трансатлантическим собратом-привидением. Он никогда не появлялся перед владельцем титула, точно так же, как другой никогда не был виден владельцу дома. На самом деле призрака Дункана вообще никогда не видели. Это был всего лишь ангел-хранитель. Его единственной обязанностью было лично присутствовать при бароне Дункане из Дункана и предупреждать его о надвигающемся зле. Традиции дома рассказывали, что бароны рода Дункан снова и снова испытывали предчувствие несчастья. Некоторые из них уступали и отказывались от затеянного ими предприятия, и оно печально проваливалось. Некоторые были упрямы, ожесточали свои сердца и безрассудно шли навстречу

поражению и смерти. Ни в одном случае лорд Дункан не подвергался опасности без справедливого предупреждения.

– Тогда как получилось, что отец и сын пропали на яхте у Гебридских островов? – спросил дорогой Джонс.

– Потому что они были слишком просвещенными людьми, чтобы поддаться суеверию. До наших дней дошло письмо лорда Дункана, написанное его жене за несколько минут до того, как они с сыном отправились в плавание, в котором он рассказывает ей, как тяжело ему пришлось бороться с почти непреодолимым желанием отказаться от поездки. Если бы он послушался дружеского предупреждения семейного призрака, письмо было бы избавлено от путешествия через Атлантику.

– Призрак уехал из Шотландии в Америку сразу после смерти старого барона? – с большим интересом спросила малышка Ван Ренсселер.

– Как он попал сюда, – спросил дорогой Джонс, – в третьем классе или как пассажир каюты-люкс?

– Я не знаю, – спокойно ответил дядя Ларри, – и Элифалет не знал. Поскольку ему ничего не угрожало, и он не нуждался в предупреждении, он не мог сказать, дежурил призрак или нет. Конечно, тот все время был начеку. Но он так и не получил никаких доказательств его присутствия, пока не отправился в маленький старый дом в Салеме, незадолго до четвертого июля. Он взял с собой друга – молодого парня, который служил в регулярной армии со дня обстрела форта Самтер, и который думал, что после четырех лет небольших неприятностей на юге, включая шесть месяцев в Либби, и после десяти лет борьбы с плохими индейцами на равнинах, вряд ли он сильно испугался бы призрака. Так вот, Элифалет и офицер весь вечер просидели на крыльце, курили и обсуждали пункты военного права. Чуть позже двенадцати часов, как раз когда они начали думать, что пора ложиться спать, они услышали самый ужасный шум в доме. Это был не визг, или вой, или вопль, или что-то еще, чему они могли бы дать название. Это была неопределенная, необъяснимая дрожь и содрогание звука, который с воем вылетел из окна. Офицер был в Колд-Харборе, но на этот раз почувствовал, что ему становится холоднее. Элифалет знал, что это был призрак, который обитал в доме. Когда этот странный звук затих, за ним последовал другой, резкий, короткий, леденящий кровь по своей интенсивности. Что-то в этом крике показалось Элифалету знакомым, и он был уверен, что он исходил от семейного призрака, предупреждающего призрака Дунканов.

– Правильно ли я понимаю, что ты намекаешь на то, что оба призрака были там вместе? – с тревогой спросила герцогиня.

– Они оба были там, – ответил дядя Ларри. – Видите ли, один из них принадлежал дому и должен был быть там все время, а другой был привязан к личности барона Дункана, и должен был следовать за ним. Где бы тот ни был, там был и этот призрак. У Элифалета едва было время подумать об этом, когда он снова услышал оба звука, не один за другим, а оба вместе, но что-то подсказало ему, какой-то инстинкт, который у него был, что эти два призрака не согласились, не поладили друг с другом, не совсем поладили; на самом деле, что они ссорились.

– Ссорящиеся призраки! Не может быть! – таково было замечание малышки Ван Ренсселер.

– Это благословение – видеть, как призраки живут вместе в единстве, – сказал дорогой Джонс.

И герцогиня добавила:

– Это, безусловно, послужило бы лучшим примером.

– Вы знаете, – продолжал дядя Ларри, – что две волны света или звука могут интерферировать и вызвать темноту или тишину. Так было и с этими соперничающими духами. Они взаимодействовали, но не создавали тишины или темноты. Напротив, как только Элифалет и офицер вошли в дом, сразу же началась серия спиритических проявлений – обычный темный

сеанс. Заиграли на тамбурине, зазвенел колокольчик, и по комнате разнеслось пение пылающего банджо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.